

произведений в этнокультурные образы. При этом авторы литературных произведений по-разному трактуют одни и те же события и персонажей, таким образом в определенной степени наделяя их авторской индивидуальностью.

Список использованной литературы

1. Гачев, Г. Д. О национальных картинах мира / Г. Д. Гачев // Народы Азии и Африки: история, экономика, культура. – Москва, 1967. – Вып. 1 – №1 (37). – С. 80–85.
2. Бо Цзюйи. Лирика / Бо Цзюйи (пер. с китайского, сост., вступ. статья и примеч. Л. Эйдлиной). – Москва : Художественная литература, 1965. – 211 С.
3. Торопцев, С. А. Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун / С. А. Торопцев. – Москва : Художественная литература, 1972. – 256 С.
4. 白朴. 梧桐雨 /白朴// 古诗文网 [Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://so.gushiwen.cn/shiwen/6e7b77d9e134.aspx>. – Дата доступа : 15. 10. 2022.
5. 石韞玉. 梅妃作赋 /石韞玉 // 知网 [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://xuewen.cnki.net/read_R2006050670005530.html. – Дата доступа : 16. 10. 2022.
6. Петров, В. В. Повествовательная проза и драматургия: [Китайская литература первой половины XIX в.] / Петров В.В. // История всемирной литературы: в 8 т. – М.: Наука, 1989. – Т.6. – С. 615-622.
7. Ло Гуаньчжун. Троецарствие / Ло Гуаньчжун (пер. с кит. В. Панасюк). – Рига : Полярис, 1997. – Т.1. – 785 С.
8. Мосян Тунсю. Благословение небожителей. / 墨香铜臭 Mo Xiang Tong Xiu – М.: Эксмо, 2022. – Т.2. – 464 С.
9. Мосян Тунсю. Благословение небожителей. / 墨香铜臭 Mo Xiang Tong Xiu – М.: Эксмо, 2022. – Т.1. – 416 С.
10. 梁祝化蝴蝶 // 民间故事[Электронный ресурс]. Режим доступа : <https://www.5068.com/gs/zgmj/650200.html>. – Дата доступа : 04. 10. 2022.

VII. БИБЛИЯ КАК АРХЕТЕКСТ ЕВРОПЕЙСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

А. В. Камаева,

аспирант (Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь)

МОЛИТВА КАК ЖАНР В ЛИРИКЕ ФРАНЦА ВЕРФЕЛЯ

Аннотация. Цель данного исследования – выявление особенностей реализации жанра молитвы в поэзии австрийского экспрессионизма. В качестве объектов исследования выступают стихотворения «Я все еще ребенок» («Ich bin ja noch ein Kind») и «Молитва» («Gebet») Франца Верфеля. Доказывается, что жанр молитвы отражает мировоззрение писателя и эволюцию его философских взглядов под влиянием событий начала XX в.

Ключевые слова: экспрессионизм; австрийская поэзия; молитва; Библия; Франц Верфель.

A. V. Kamayeva,

postgraduate student (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

PRAYER AS A GENRE IN LYRICS OF FRANZ WERFEL

Abstract. The purpose of this study is to identify the peculiarities of the realization of the prayer as a genre in the Austrian expressionism poetry. The objects of the study are the poems «Ich bin ja noch ein Kind» and «Gebet» by

Franz Werfel. This example proves that the genre of the prayer represents the worldview of the writer and the evolution of his philosophical views under the influence of events of the XX century.

Keywords: *expressionism; Austrian poetry; prayer; the Bible; Franz Werfel.*

Для европейской культуры одним из «осевых» текстов, определивших ее становление и развитие, является Библия – текст, имеющий статус Священного писания для иудейско-христианской культуры. Этот архетекст определил формирование религиозного и философского мировоззрения создателей произведений различных видов искусства, особенно литературы. Это влияние отражается в смысловом, образном и поэтическом содержании текстов – религиозных, светских, философских, художественных, политических и иных.

Не меньшую роль сыграли и жанровые формы Священного Писания. Книга Хвалений, более известная как Книга Псалмов или Псалтирь, подарила европейской литературе жанр молитвы в иудейско-христианской традиции, т.е. в форме обращения человека к Богу. При этом стоит отметить, что тексты, представленные в Книге Хвалений, в большинстве своем представляют не гимны Божественному Первоначалу, но плачи, жалобы или просьбы о помощи и стойкости перед лицом неизведанного или надвигающегося испытания. Из этого следует, что молитва в европейской культуре представляет собой диалог человека с Богом, через который он познает и осмысливает себя. Об этом пишет белорусский литературовед и германист Г. В. Синоло: *«сверхзадача Псалмов – осмысление пути человека в мире, пути к Богу и перед лицом Бога»* [1, с. 184].

На протяжении многих столетий к жанру молитвы обращались не только служители церкви, но также и светские писатели. Как следствие, наравне с клерикальной существовала и авторская или литературная молитва, в которой, по мнению российской исследовательницы О. А. Переваловой, *«лирическая позиция субъекта усиливается, индивидуализируется его внутреннее чувство, происходит < ... > утрата соборности, проявляется эгоцентричность (“самость”), немыслимая в религиозной молитве»* [2, с. 306]. Традиция авторской молитвы начинается с эпохи Реформации (XVI в.), когда появляются и массово распространяются переводы Псалтири на национальные европейские языки, а ее тексты становятся объектами для подражания и переложения.

В немецкоязычной среде писатели XVII–XIX вв. в соответствии со своей эпохой и творческим мировоззрением переосмысливали образность и стилистику Псалмов, заимствовали их для своих философских и художественных произведений, соединяли с элементами античной и национальной культуры. Однако новым витком в развитии жанра литературной молитвы стало начало XX в., принесшее с собой надежду на новый расцвет человечества и предчувствие неминуемого конца привычного миропорядка.

Протекавшая быстрыми темпами индустриализация и урбанизация городов, кризис буржуазии и ее обращенность в романтизированное средневековое прошлое, а также приближение Первой мировой войны – все это дало толчок к эволюции авторской молитвы. Под влиянием экспрессионизма она перестала быть подражанием или переложением Священного писания, но приобрела признаки эстетизации, в центре внимания которой находились, по словам немецкого литературоведа Г. Лангенхорста, *«саморефлексия в новом разорванном контексте современности, часто размышления о существовании в качестве художника, часто также создание индивидуалистических художественных религий, которые ускользают от одномерных подходов к интерпретации»* [3, с. 321]. Иными словами, в авторской молитве происходит переосмысление религиозного содержания: она становится все более отдаленной от формальной фигуры Бога. Эту идею разделяет и германист С. Кепплер-Тасаки, в своей работе цитирующий немецкого экспрессиониста Готфрида Бенна: *«современное стихотворение отличается монологическим характером: оно <...> „обращено к музе, а муза, помимо прочего, здесь для того, чтобы замаскировать тот факт, что стихи никому не адресованы“»* [4].

Австрийские экспрессионисты, как и их немецкие современники, также обращались к жанру молитвы в своем творчестве. Однако в их лирических произведениях можно отметить особую религиозность, соединяющей

традиции христианской (католической и православной) и иудейской мистики и деизма эпохи Просвещения, а также соседствующей рядом с актуальными философскими концепциями и модным в то время психоанализом. Примером такого уникального синтеза может служить творчество Франца Верфеля (*Franz Viktor Werfel, 1890–1945*), в котором отразились личные переживания писателя и его поиски собственного места и места человечества в хаотичном и мрачном мире.

Жанр молитвы в особенности широко представлен в экспрессионистской лирике Ф. Верфеля, а именно в сборниках «Мы есть» (*«Wir sind», 1913*), «Друг другу» (*«Einander», 1915*) и «Судный день» (*«Der Gerichtstag», 1919*). По первоначальной задумке поэта, вдохновленного «Божественной комедией» (*La Divina Comedia, 1321*) Данте (*Dante Alighieri, 1265–1321*), они должны были составить трилогию, представляющую перерождение человечества в мировое братство и его восхождение к Богу. Однако господствовавшие в Австро-Венгрии и Германии революционные настроения и катастрофа Первой мировой войны нарушили этот замысел: российский исследователь В. Н. Никифоров пишет, что духовные и эстетические ориентиры Ф. Верфеля, первоначально «декларирующие родство со всем миром и радостное опьянение жизнью», сменились разочарованием в современном ему обществе, неспособном отказаться от земной жизни ради духовного бессмертия [5, с. 120].

В качестве примера рассмотрим стихотворения («Я все еще ребенок» (*«Ich bin ja noch ein Kind»*) и «Молитва» (*«Gebet»*) из первого и последнего лирического сборника писателя.

Первое поэтическое произведение, написанное шестистишиями, является частью цикла «Враждебность порочна» (*«Feindschaft ist unzulänglich»*). В нем, как и в других стихотворениях из этого цикла, Ф. Верфель провозглашает родство и близость всего сущего друг с другом и с Божественным Первоначалом. Сам же текст представляет собой мольбу лирического героя в образе ребенка, стремящегося познать весь мир и самого себя, и тем самым познать и на мгновение прикоснуться к Богу и подтвердить свое бытие – смертность и ущербность своего тела и бессмертие и безграничность своей души. Кроме того, писатель обращает внимание и на слово, как на силу, которая способна созидать и разрушать; а ему, как молодому и еще неопытному писателю, необходимо научиться ею властвовать, чтобы воспеть новый мир и новое лучшее человечество.

Эти лейтмотивы звучат уже в первой строфе стихотворения: *«O Herr, zerreiße mich! / Ich bin ja noch ein Kind. / Und wage doch zu singen. / Und nenne dich. / Und sage von den Dingen: / Wir sind!»* [6] ('Господь, разорви меня! / Я все еще ребенок. / И все же осмеливаюсь петь. / И называть тебя. / И говорить о вещах: / Мы есть!').

В следующих строфах Ф. Верфель отмечает ограниченность своих возможностей в познании, что перекликается с теорией агностицизма немецкого философа XVIII в. И. Канта (*Immanuel Kant, 1724–1804*). Для этого писатель через лирического героя перечисляет предметы и явления, которые существуют и происходят в его окружении и в целом мире, однако их опыт ему недоступен в силу разных условий. Так, Ф. Верфель называет биологические и социальные ограничения, среди которых:

- 1) возраст (*«Ich bin gesund, / Und weiß noch nicht, wie Greise rosten»*),
- 2) пол (*«Ich hielt mich nie an groben Pfosten / Wie Frauen in der schweren Stund»*),
- 3) принадлежность к биологическому виду (*«Nie müht' ich mich durch müde Nacht / Wie Droschkengäule, treu erhaben, / Die ihrer Umwelt längst entflohn!»*)
- 4) принадлежность к социальному классу и положение в обществе (*«Nie war ich Seemann, wenn das Öl ausgeht, / Wenn die tausend Wasser die Sonne verhöhnen, / Wenn die Notschüsse dröhnen, / Wenn die Rakete zitternd aufsteht»; «Nie war ich ein Kind, zermalmt in den Fabriken / Dieser elenden Zeit, mit Ärmchen ganz benarbt!»*) [6].

Тем самым писатель утверждает даже иллюзорность познания, что выражается через вопросы, обращенные лирическим героем к самому себе: *«Kenn ich die Lampe denn, kenn ich den Hut, / Die Luft, den Mond, den Herbst und alles Rauschen / Der Winde, die sich überbauschen, / Ein Antlitz böse oder gut? / Kenn ich der Mädchen stolz und falsches Plauschen? / Und weiß ich, ach, wie weh ein Schmeicheln tut?»* [6] ('Знаю ли я лампу, знаю ли

шляпу, / Воздух, луну, осень и весь шелест / Ветров, которые вздымаются, / Лик злой или добрый? / Знаю ли я девушек гордую и глупую болтовню? / И знаю я ли, какую боль ласка причиняет?»).

Таким образом, Ф. Верфель и его лирический герой приходят к выводу, что единственная возможность познать мир заключается в познании Бога и через Бога. Здесь поэт обращается к Книге Исхода и образу тернового куста, возникшего перед пророком Моисеем: «И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает» (Исх 3:2).

Писатель переосмысливает этот сюжет в своем произведении: лирический герой хочет приобщиться к Божественному Первоначалу, чтобы через страдания всего мира познать его и себя и тем самым разделить это знание со всеми (*«Du aber, Herr, stiegst nieder, auch zu mir. / Und hast die tausendfache Qual gefunden»*) [6]. В последней строфе он соединяется с Богом, становясь ветром или божественным дыханием, которое есть в каждой вещи и в каждом живом существе, тем самым ликуя и провозглашая величие и бессмертие всего сущего (*«Und wenn ich erst zerstreut bin in den Wind, / In jedem Ding bestehend, ja im Rauche, / Dann lodre auf, Gott, aus dem Dornenstrauche! / (Ich bin dein Kind.) / Du auch, Wort, praßle auf, das ich in Ahnung brauche, / Gieß unverzehrbare dich durchs All: Wir sind!!* [6] / «И когда я прежде развеян буду на ветру, / В каждой вещи существующий, даже в дыме, / Тогда вспыхни, Боже, из тернового куста! / (Я твой ребенок.) / Ты тоже, слово, с треском разгорайся, которое мне нужно знать, / Излейся непоглощенное сквозь Вселенную: мы есть!!»).

Последний сборник экспрессионистской поэзии Ф. Верфеля был издан уже после окончания Первой мировой войны. В нем отразились четыре года поисков творческого пути в период катастрофических потрясений и собственного места среди погрязшего в социальных расприх и политической борьбе общества. Поэтому «Der Gerichtstag» отличается пессимистическим настроением, а циклы входящих в него стихотворений схожи по звучанию с пророческими книгами и плачами. Молитвы также представлены в этом сборнике; многие произведения этого жанра входят в одноименный пятый раздел сборника и цикл «Дом проклятия» (*«Haus der Verfluchung»*).

Стихотворение «Gebet» представляет собой молитву о помощи и стойкости во времена хаоса и разрухи: *«O du letzter Hort, / O du benedei mein Wort, / Da Zunge Lügen schlagen muß und Schall! / O tu meinen Betrug / In deinen Niagarafall! / Tu meinen Fluch in deinen Flug / Und meinen Schein in dein Ein, / O du Gewässer, bade rein / Meines Lügens Lügenwiderhall !! // Was falsch und fehl aus meinem Munde bricht, / Es werde wahr, weil du es führst, / Und lächelnd es verkehrst und kürst. . . / Wenn mein Mund Lüge spricht, / O wende, wandle sie, du Hort / In deinem Hauch und Licht! / O benedei mein Wort, / O du Hoffnung, Ost und Osterort!* [7] («О ты, последний приют, / О ты, благослови мое слово, / Так, что язык бить должен ложь и звук! / О, помести мой обман / В своем Ниагарском водопаде! / Помести мое проклятие в свой полет / И мой свет в свое единство, / О вы, воды, омойте / Моей лжи лживый отголосок!! // Что плохое и неуместное из моих уст вырывается, / Пусть станет истинным, потому что ты этим владеешь, / И, улыбаясь, движется и выбирает... / Если мои уста ложь говорят, / О, оберни, измени ее, ты, приют, / В своем дыхании и свете! / О благослови мое слово, / О ты надежда, Восток и Эдем!»).

Здесь лирический герой Ф. Верфеля предстает в образе уже повзрослевшего поэта, прошедшего многие испытания и сомневающегося в своем пути. И потому он обращается за помощью к Божественному Первоначалу, называя его последним приютом («letzter Hort»), надеждой («Hoffnung»), востоком («Ost») и Эдемом («Osterort»), райским садом, из которого были изгнаны Адам и Ева. Тем самым писатель подчеркивает непрекращающуюся связь между поэтом и творцом, через которую они познают друг друга. Таким образом, Ф. Верфель выражает идеи своего современника, философа еврейского происхождения Мартина Бубера о непрестанном диалоге человека и Творца, человеческого Я и Вечного Ты.

Здесь, как в стихотворении *«Ich bin ja noch ein Kind»*, лирическим героем утверждается созидательная сила слова, которая также исходит от Бога и которой лишь с его помощью способен овладеть поэт. Именно с ее помощью он преобразовывает мир и надеется, что, несмотря на все испытания и потрясения, мир изменится к лучшему; а пока сам лирический герой остается верен самому себе и своей цели.

Таким образом, экспрессионистская поэзия Ф. Верфеля 1911–1919 гг. является наглядным примером эволюции молитвы как жанра в австрийской литературе начала XX в. Стихотворения, входящие в сборники «*Wir sind*» и «*Der Gerichtstag*», демонстрируют гармоничный синтез многовековых традиций иудейской и христианской (католической) клерикальной литературы и дуальности модернистского мировоззрения, стремившегося порвать с канонами прошлого. Как следствие жанр молитвы этого австрийского писателя представляет собой не только диалог человека с Богом, но также и диалог человека с самим собой в поисках своего места в трагические предвоенные и послевоенные годы Первой мировой войны.

Список использованной литературы

1. Синило, Г. В. Танах и мировая поэзия / Г. В. Синило. – Минск : Экономпресс, 2009. – 880 с.
2. Перевалова, О. А. Теория жанра молитвы в современном литературоведении / О. А. Перевалова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 2. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – С. 300–308.
3. Langenhorst, G. “Schwieriger Dialog” – Gebete als literarische Gattung / G. Langenhorst // M. Arnold und Ph. Thull (Hg.). – Freiburg im Breisgau : Verlag Herder GmbH, 2016. – 413 S.
4. Keppler-Tasaki, S. Gebete ohne Gott. Sakrales Sprechen in der Lyrik um 1900 / S. Keppler-Tasaki. // Freie Universität Berlin. – [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.fu-berlin.de/presse/publikationen/fundiert/archiv/2009_02/08_keppler/index.html. – Date of access: 11.10.2022.
5. Никифоров, В. Н. Франц Верфель / В. Н. Никифоров // Энциклопедический словарь экспрессионизма / под ред. П. М. Топера. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 120–122.
6. Werfel, F. Ich bin ja noch ein Kind / F. Werfel // Die deutsche Gedichtbibliothek. Gesamtverzeichnis deutschsprachiger Gedichte. – [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: https://gedichte.xbib.de/Werfel%2C+Franz_gedicht_0137,+Ich+bin+ja+noch+ein+Kind.htm. – Date of access: 11.10.2022.
7. Werfel, F. Gebet / F. Werfel // Die verbrannten Dichter. Forum für die Lyrik. – [Electronic resource]. – 2011. – Mode of access: <https://www.literatisch.de/franz-werfel-der-gerichtstag.html#du%20letzter%20Hort>. – Date of access: 11.10.2022.

А. Г. Рассохина,

магистрант (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ АНГЕЛУСА СИЛЕЗИУСА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности творчества Ангелуса Силезиуса, выдающегося немецкого поэта-мистика XVII в. Показано, что его поэзия, отличающаяся высочайшими художественными качествами, говорит о важных проблемах человеческого духа, а также своеобразно репрезентирует основные идеи Библии – в первую очередь, идею взаимной необходимости Бога и человека, духовного Союза Бога и человека, который основан на взаимной любви и верности. Доказывается, что Библия является важнейшим архетекстом (смысло- и текстопорождающим текстом) для Ангелуса Силезиуса.

Ключевые слова: Ангелус Силезиус; христианская мистика; религиозно-мистическая поэзия XVII в.; немецкое барокко; Библия; библейская архитекстуальность.

A. G. Rassokhina,